

СОДЕРЖАНИЕ

1. Тревоги и печали	11
2. Подготовка	33
3. Выживание класса «Люкс»	63
4. Прибежище	97
5. Внеземные поселения	135
6. Под шкурой	173
7. Единственное пристанище будущего	233
8. Карта в багровых тонах	279
<i>Благодарности</i>	317
<i>Об авторе</i>	318

ПОСВЯЩАЕТСЯ
ЭМИ, МАЙКУ И ЖОЗЕФИНЕ

Взрослые постоянно говорят: «Мы должны дать молодым надежду». Но мне не нужна ваша надежда. Я не хочу, чтобы вы надеялись. Я хочу, чтобы вы паниковали. Я хочу, чтобы вы почувствовали тот страх, что я испытываю каждый день. А потом я хочу, чтобы вы действовали. Я хочу, чтобы вы действовали так, как действовали бы в критической ситуации. Я хочу, чтобы вы вели себя так, будто ваш дом горит. Потому что так оно и есть.

Грета Тунберг

Наши времена — совершенно обычные времена. Это всего лишь один из срезов жизни. Кто думает об этом? И кто способен это осознать?

Энни Диллард

1

ТРЕВОГИ И ПЕЧАЛИ

Это был конец света, а я сидел на диване и смотрел с сыном мультики. Было уже далеко за полдень, и он, устроившись у меня на коленях, смотрел, как маленькая русская крестьянская девчушка постоянно влипала в комические передряги со своим многострадальным другом-медведем. Я же, держа телефон над его головой, читал сообщения в Twitter. С медведем и девчушкой происходили какие-то дурацкие приключения на рыбалке, медведь при этом постоянно спотыкался и падал, а мой сын радостно хихикал, периодически поворачивая голову ко мне. Ему важно было знать, что я слежу за событиями, происходящими на экране.

Я же был поглощен экраном собственного телефона, так как наткнулся на встроенное в ленту Twitter видео с YouTube. Оно было помечено как «пронзительное» и «дущераздирающее», и я без колебаний кликнул.

Пока мой сын смотрел свой мультфильм, я, держа телефон так, чтобы он не видел экрана, наблюдал за тем, как истощенный белый медведь тащится по каменистой мест-

ности. Вдруг у него подкосились лапы, и он попытался подняться снова. Животное тащило свою мохнатую тушу вперед к горе ржавых металлических бочек, наполовину заполненных мусором, из которых ему в конце концов удалось вытащить что-то похожее на сырую кость, практически полностью лишённую мяса. Медведь был жалок: из-за недоедания он был тощим и больше походил на гигантского горностаю или ласку. Он медленно жевал то, что ему удалось раздобыть среди мусора, глаза его были полузакрыты от глубокой, смертельной усталости, белая слюна медленно стекала из его пасти, а за кадром звучало медленное и печальное глиссандо виолончели.

Я отключил звук на телефоне, чтобы не привлекать внимания сына и не вызывать неизбежного потока вопросов. Ему тогда было три года, и наши взаимоотношения в те дни постоянно принимали форму бесконечного допроса.

Текст в нижней части экрана пояснял, что кадры были сняты вблизи заброшенной деревни инуитов¹ в северной части канадской тундры, куда медведь забрел в поисках пищи. Популяция тюленей, его обычный источник пищи, резко сократилась вследствие изменений климата.

Моя душа осталась в целости, и я бы не сказал, что меня что-то «пронзило». Вместо этого я ощутил отвращение к самому видео, к манере его подачи — к этой слезливой музыке, к величавому темпу монтажа. Казалось, что

¹Инуиты — этническая группа коренных народов Северной Америки, обитающая приблизительно на 1/3 северных территорий Канады, от полуострова Лабрадор до устья реки Маккензи. (Здесь и далее примечания переводчика, если не указано иное.)

все это должно было вызвать во мне признание собственного вклада в эту ужасную ситуацию вкупе с благонаправленным и, возможно, даже искупительным приливом печали. Благородной печали по поводу экологического разрушения, в котором я сам играл определенную роль. Тогда мне пришло в голову, что отвращение, которое я испытывал, было признаком своего рода моральной дезориентации из-за того, что сама технология, позволившая мне стать свидетелем патетических страданий этого истощенного животного, сама в своей сути и прежде всего была причиной его страданий. Различные редкоземельные минералы, добываемые для комплектующих моего телефона в местах, названия которых мне никогда не выучить; энергия, потребляемая в процессе его производства, его доставка через полмира, его ежедневная зарядка электрическим током — ради всего этого и ради меня медведь голодал и тащил свою тушу по каменистой земле.

Фарсовые ужимки и прыжки мультяшного медведя на экране телевизора, за которыми следил мой сын, а над его головой, на маленьком экране — ужасное страдание настоящего медведя. Абсурдность одновременной демонстрации этих образов, вызванных из эфира и соперничающих за внимание, породила странный эмоциональный заряд, волну стыда и печали по поводу того мира, в котором вынужден будет жить мой сын. Стыда и печали, которые я, в свою очередь, передам и ему.

Мне казалось, что я стою перед неразрешимой проблемой: проблемой примирения образов на этих двух экранах или, скорее, примирения своей жизни с фактом не-

примиримости этих образов. Медведи в мире моего сына дружили с детьми, участвовали в приключениях, жили в хижинах, попадали в комические передраги и в конце концов добивались успеха. Медведи в моем мире рылись в мусорных баках и умирали от голода. Я хотел, чтобы он жил в первом, в хорошем мире как можно дольше, но я знал, что скоро ему придется покинуть его и жить в будущем. И мне было непонятно, как человеку целенаправленно, осмысленно жить и работать, воспитывать своих детей в пугающей тени этого будущего.

В те дни немного потребовалось, чтобы отправить меня к концу света. Тогда мне часто представлялась возможность потешить свою склонность к эсхатологии¹. Мультфильмы, вирусные ролики, сводки новостей по радио, разговоры с соседями о том, что в феврале никогда не было так тепло. Слишком многое ощущалось как флешбэки из завязки постапокалиптического фильма — как будто мы жили как раз перед началом событий основной временной шкалы. Я знал, что подобное мышление столь же старо, как сама наша цивилизация, что апокалиптические настроения с незапамятных времен были ответом на быстрые перемены и неопределенность. Но понимание ситуации не делало ее менее гнетущей, а конец света — менее реальным.

Что я почувствовал, когда подумал о своем сыне и его будущем? Меня охватила какая-то неясная, но всепоглощающая меланхолия. Любовь к нему вдруг стала казаться

¹Эсхатология (от *греч.* *eschatos* — последний, конечный и *logos* — слово, учение) — религиозное учение о конечных судьбах мира и человека.

неразрешимой моральной проблемой. Хотя апокалипсис как таковой еще не стоял на повестке дня, я чувствовал, что у меня как у родителя есть некий моральный долг. И он отнюдь не заключался в том, чтобы оболящаться по поводу будущего и отводить взгляд от горизонта. Этот долг я не исполнял.

Сценарии, по которым мы живем, наихудшие. Кажется, что мир, который мы унаследовали, истощен и обречен на абсолютное и окончательное разрушение. Фашисты на улицах и во дворцах. Погода сошла с ума, стала непредсказуемой и враждебной. Богатство и власть при номинальных демократиях все больше сосредоточиваются в руках меньшинства. Меньшинства безголового. В то время как для все большего числа людей жизнь становится лишь тяжелее. Послевоенный порядок, старые альянсы в последнее время трещат по швам. Тщательно продуманные декорации мировой политики, ее гостиные и люстры демонтируют и складывают за кулисами, выставляя на обозрение грубую машину капитала. Остается лишь одна высшая истина — фикция денег. Мы по горло увязли в прогнивших фактах. Для тех, кто хочет их читать, и для тех, кто не хочет, повсюду разбросаны загадочные, но неотвратимые знаки апокалипсиса.

Каждое окно браузера как очередное предзнаменование конца. Подробный доклад ООН о том, что один миллион видов находится под угрозой неминуемого исчезновения. Изображение водопада в Арктике, низвергающегося с тающего ледника. Распространение заболева-